

ISSN: 2181-9416

ЮРИСТ АХБОРОТНОМАСИ

ВЕСТНИК ЮРИСТА * LAWYER HERALD

ҲУҚУҚИЙ, ИЖТИМОИЙ, ИЛМИЙ-АМАЛИЙ ЖУРНАЛ

CYBERLENINKA

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

ISSN 2181-9416
Doi Journal 10.26739/2181-9416

ЮРИСТ АХБОРОТНОМАСИ

4 СОН, 3 ЖИЛД

ВЕСТНИК ЮРИСТА

НОМЕР 4, ВЫПУСК 3

LAWYER HERALD

VOLUME 4, ISSUE 3

TOSHKENT-2023

Мундарижа

ФУҚАРОЛИК ҲУҚУҚИ. ТАДБИРКОРЛИК ҲУҚУҚИ. ОИЛА ҲУҚУҚИ. ХАЛҚАРО ХУСУСИЙ ҲУҚУҚ

1. ВАКНРАМОВА Mokhinur LEGAL ANALYSIS OF METHODS OF REALIZATION OF PROPERTY RIGHTS BY AUTHORS AND PRACTICE OF LAW ENFORCEMENT IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN.....	8
2. TURDIEV Bobir Sobirovich KORPORATIV SEKTORNING EKOLOGIK MAS'ULIYATINI OSHIRISHNING HUQUQIY MEKANIZMLARI	14
3. ҲАМДАМОВ Шаҳзод Мақсуд ўғли РАҚАМЛАШТИРИШ ТУШУНЧАСИ, МАЗМУН-МОҲИЯТИ ВА УНИНГ ҲУҚУҚИЙ АСОСЛАРИ	23

СУД ҲОКИМИЯТИ. ПРОКУРОР НАЗОРАТИ. ҲУҚУҚНИ МУҲОҒАЗА ҚИЛИШ ФАОЛИЯТИНИ ТАШКИЛ ЭТИШ

4. ПАНАБЕРГЕНОВА Жамиля Таировна ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	30
5. JUMAYEV Shohjahan Begimqul o'g'li QONUNLAR IJROSI USTIDAN PROKUROR TEKSHIRUVLARINI O'TKAZISH ASOSLARI VA ULARNI QONUN HUIJATLARIDA TARTIBGA SOLISHNING DOLZARB MASALALARI.....	36

ЖИНОЯТ ҲУҚУҚИ, ҲУҚУҚБУЗАРЛИКЛАРНИНГ ОЛДИНИ ОЛИШ. КРИМИНОЛОГИЯ. ЖИНОЯТ-ИЖРОИЯ ҲУҚУҚИ

6. ОТАЖОНОВ Абдоржон Анварович, НОРМАНОВА Клара Эшназаровна ЖИНОЯТНИ ТАШКИЛ ЭТГАН ЁКИ РАҲБАРЛИК ҚИЛГАН ШАХС ҚИЛМИШИНИ КВАЛИФИКАЦИЯ ҚИЛИШНИНГ АЙРИМ МАСАЛАЛАРИ.....	43
7. КАРИМОВ Ифтихор Ибрагимович ЭКСТРЕМИЗМ ТУШУНЧАСИ, ШАКЛЛАРИ ВА МОҲИЯТИ: ҚИЁСИЙ ҲУҚУҚИЙ ТАҲЛИЛ ..	52
8. SHUKUROVA Muhayyo Mukumjanovna НОКИМИЯТ НАРАКАТСИЗЛИГИ UCHUN JAVOBGARLIK MUAMMOLARIGA DOIR ILMIY TADQIQOTLARNING ZAMONAVIY HOLATI VA RIVOJLANISHI	61

ЖИНОЯТ ПРОЦЕССИ. КРИМИНАЛИСТИКА. ТЕЗКОР-ҚИДИРУВ ҲУҚУҚ ВА СУД ЭКСПЕРТИЗАСИ

9. БОЗОРОВ Мақсудали Махмудович ЖИНОЯТ ПРОЦЕССИДА ПРОЦЕССУАЛ ЧИҚИМЛАРНИ УНДИРИШ, ХОРИЖИЙ ДАВЛАТЛАР ТАЖРИБАСИ БИЛАН ҚИЁСИЙ ҲУҚУҚИЙ ТАҲЛИЛ.....	66
---	----

ХАЛҚАРО ҲУҚУҚ ВА ИНСОН ҲУҚУҚЛАРИ

10. TILLABAYEV Mirzatillo

THE UNIVERSAL DECLARATION OF HUMAN RIGHTS: HISTORICAL OVERVIEW AND IMPLEMENTATION IN UZBEKISTAN..... 74

11. ФАЙЗУЛЛАЕВА Нигорахон Равшановна

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ В МЕЖДУНАРОДНОМ КУЛЬТУРНОМ ПРАВЕ..... 80

12. САФАРОВА Шахло Пулатовна

ИНСОН ҲУҚУҚЛАРИ БЎЙИЧА ТАЪЛИМНИ АМАЛГА ОШИРИШНИНГ ШАРТНОМАВИЙ-ҲУҚУҚИЙ МАНБАЛАРИ 89

13. ЕСЕМУРАТОВ Алишер Избасарович

ПРИЧИНЫ, ТЕНДЕНЦИИ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ..... 96

14. ХАМЗАЕВ Дилавер

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В БОРЬБЕ С ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМИ ФИНАНСОВЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ 102

ҲУҚУҚИЙ АМАЛИЁТ ВА ХОРИЖИЙ ТАЖРИБА

15. РАХМАНОВ Шухрат Наимович, ХАМДАМОВА Фируза Уразалиевна

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА НА ЦИФРОВУЮ ЭКОНОМИКУ 113

16. SUFIEVA Dilafruz

ABOUT QUALITATIVE CHANGES IN THE RULE-MAKING PROCESS.....120

17. САФАРОВ Темур Уктамович

АНАЛИЗ ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО КОНТЕКСТА ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ НАЛИЧИЯ УСЛОВИЙ ДЛЯ КОРРУПЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СЕКТОРЕ125

- Unified electronic system for the development and approval of draft regulatory legal acts – **“Project.gov.uz”**;

- A unified electronic system for the development, coordination and registration of resolutions adopted by local public authorities – **“E-qaror”**.

So, on July 1, 2020, for the first time in the history of Uzbekistan in electronic form on the basis of “Project.gov.uz” a departmental act has been adopted and registered with the Ministry of Justice.

And on February 18, 2021, the first electronic decision of the khokim was made through the electronic system “E-qaror”.

Within the framework of digitalization, conceptually modernized:

- National database of legislation of the Republic of Uzbekistan – **“Lex.uz”**;

- Portal for discussion of draft regulatory legal acts – **“Regulation.gov.uz”**.

The digital format implies, first of all, getting rid of bureaucracy, as well as the following advantages:

- openness and transparency of rulemaking and, accordingly, the possibility of public control over this process;

- a fast and convenient format for interdepartmental coordination of projects being developed, which allows real-time monitoring of each stage of rulemaking, which, in turn, contributes to improving executive discipline in government agencies;

- automatic collection of big data and statistics, which allows you to analyze the trends of rulemaking, draw conclusions and forecasts;

- saving time, labor, material and other resources. For example, after switching to systems “Project.gov.uz” and “E-qaror”, only in the Ministry of Justice the need for office paper has been reduced almost to a widow;

- technologies have created conditions for ensuring inclusiveness [involvement] in the norm-setting process of various stakeholders and increased public interest. For example, according to the rating of the national search engine TAS-IX “Lex.uz” it consistently holds a position in the TOP 5 most visited websites in the Uz domain [5].

II. Secondly, the latest technologies of regulatory reform have been applied.

For the first time in the rule-making practice, the Ministry of Justice has used the **“Regulatory Guillotine”** method in the systematization of legislation.

The “Regulatory guillotine” is one of the modern methods of systematization of legislation through a large-scale analysis and revision of existing regulatory legal acts and the cancellation of identified outdated acts.

Thus, **878** decrees and resolutions of the head of state, **2309** – government decisions, **1322** – departmental acts were declared invalid.

In general, the “Regulatory Guillotine” method managed to **optimize the current legal framework by almost 10%**. More than **4.5 thousand** by-laws have been canceled.

In addition, pursuant to the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated February 3, 2021 №6155, **4339** outdated and outdated decisions of khakims were canceled [6].

Taking into account the fact that almost more than **90% of the national legal framework consists of by-laws**, their systematization is of key importance in increasing the share of laws in accordance with international requirements. So, the Universal Declaration of Human Rights requires that human rights be protected by the rule of law [7]. The same applies to the legal regulation of entrepreneurial activity. A relatively more complex procedure for passing laws involves additional stages of approval, for example in parliament, which acts as another barrier in promoting narrow departmental interests.

In addition, a new procedure has been introduced into standard-setting practice, which provides for:

- the introduction of the **“package” principle**, when developing a new project, reference norms aimed at its implementation are developed and come into force simultaneously with its adoption. Also, at the same time, appropriate amendments and additions are being made to previously adopted acts;

- prohibition of regulation of issues within the powers of economic management bodies and corporate relations through the adoption of by-laws or through administrative methods;
- establishment of legal norms providing for liability for individuals and legal entities exclusively by laws;
- preventing the inclusion in departmental regulatory legal acts of legal norms that establish additional payments and fees for individuals and legal entities, providing for excessive administrative and other restrictions that lead to the formation of unreasonable costs for them that have a permissive nature;
- preventing the inclusion of legal norms in regulatory acts in the field of technical regulation.

III. Thirdly, innovative mechanisms have been introduced into the rule-making process, designed to improve the quality of the acts being developed.

First of all, it should be noted the institute for **assessing the regulatory impact of legislative acts**, the purpose of which is to predict the consequences of regulatory decisions on the population, business, consumers, the economy and society as a whole, eliminating negative factors, in particular, overregulation, labor-intensive and costly regulations, bureaucratic barriers and paperwork [8].

This procedure serves to prevent the adoption of poor-quality and ineffective legislation.

Also, **the practice of a moratorium was applied for the first time in rulemaking**. In particular, in the period from July 1, 2020 to January 1, 2021, a temporary moratorium on departmental rulemaking was announced. Thus, the adoption of departmental acts has been suspended for the specified period (*with the exception of the adoption of departmental acts on amendments and additions and recognition as invalid, as well as providing for their unification*).

New types of expertise, such as anti-corruption, gender-legal, linguistic, have been introduced into the rule-making process.

Anti-corruption expertise is aimed at identifying corruption-causing factors that create the possibility of committing corruption offenses, a general assessment of the consequences of adopting a project that creates the possibility of committing corruption offenses, forecasting the possibility of corruption risks in law enforcement practice [9].

Gender-legal expertise involves the analysis of normative legal acts and their projects for compliance with the principles of ensuring guarantees of equal rights and opportunities for women and men [10].

Linguistic expertise is an expertise when the compliance of the draft text with the rules and requirements of the state language is checked [11].

IV. Taking into account the above-mentioned innovations, the legislative framework of normative activity has been revised.

The Law “On Normative Legal Acts” was adopted in the new edition [12].

The new law has a number of advantages in comparison with the previous one, so in it:

- the **basic principles** of the law are established;
(*legality, publicity, scientific character, as well as system, complexity and stability of legal regulation of public relations, etc.*)

- the **exact procedure and stages of planning and initiating** project development are opened;

(*the development of projects is planned for a **six-month, annual period and for a period of more than 1 year***)

- the concepts of “**legislation**”, “**act of legislation**” and “**legislative act**” were introduced in accordance with the generally accepted meaning and theory of norm-making;

(*regulatory legal acts are legislative acts and form the legislation of the Republic of Uzbekistan*)

- it is determined which laws should be adopted in the form of **constitutional laws** in terms of content;

(*laws of the Republic of Uzbekistan providing for amendments and additions to the Constitution of the Republic of Uzbekistan*)

- **specific deadlines** have been set for **interdepartmental coordination** of projects;

(*decrees and resolutions of the **President of the Republic of Uzbekistan**, as well as*

Government resolutions must be approved within 3 working days, acts of state bodies – within 5 working days, laws - 7 working days)

– the responsibility of the heads of ministries and departments for the **qualitative** consideration and compliance with the established deadlines for the **approval** of projects has been strengthened;

– mechanisms have been laid for the adoption of normative legal acts in the order of **legal experiment**;

– the legal basis for **communicating the essence and meaning of legislative acts to performers, monitoring and monitoring their implementation, and assessing regulatory impact has been determined**;

– a unified methodology of legal and technical registration of draft normative legal acts, as well as information and analytical materials attached to them, has been approved.

In conclusion, **the systematization of various stages and procedures in this area should be noted as a promising direction for the development of rulemaking.**

For example, in Western countries, the institute for assessment and analysis of regulatory impact incorporates almost all components of the rule-making process.

Various types of expertise, including legal, public discussion of the projects being developed, consultations with interested parties are elements of regulatory impact assessment.

This approach makes it possible to provide a comprehensive institutional approach to standard-setting activities.

Иқтибослар/Сноски/References:

1. Statistics of the National Database of Legislation of the Republic of Uzbekistan // URL: <https://lex.uz/ru/statistic>;

2. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated February 7, 2017 №4947 “On the Strategy of actions for the further development of the Republic of Uzbekistan” // URL: <https://lex.uz/docs/-3107036>;

3. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated January 28, 2022 №60 “On the Development Strategy of New Uzbekistan for 2022-2026” // URL: <https://lex.uz/uz/docs/-5841063>;

4. Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan dated April 13, 2018 №3666 “On organizational measures to further improve the activities of the Ministry of Justice of the Republic of Uzbekistan” // URL: <https://lex.uz/uz/docs/5527880>;

5. National Search System TAS-IX // URL: <https://www.uz/ru/res/visitor/index?id=4079>.

6. Decree of the President of the Republic of Uzbekistan dated February 3, 2021 №6155 “On the State program for the implementation of the Action Strategy for the five priority areas of development of the Republic of Uzbekistan in 2017-2021 in the “Year of Youth Support and public Health promotion”;

7. Universal Declaration of Human Rights // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.

8. Resolution of the President of the Republic of Uzbekistan dated March 15, 2021 №5025 “On measures to further improve the regulatory Impact assessment system”.

9. Закон Республики Узбекистан «О противодействии коррупции» // URL: <https://lex.uz/acts/-3088008>;

10. Law of The Republic of Uzbekistan “On Guarantees with Respect to Equal Rights and Opportunities for Women and Men” // URL: <https://lex.uz/docs/5167654>;

11. Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan №662 dated October 28, 2021 “On approval of the Regulations on the procedure for conducting linguistic expertise of draft normative legal acts” // URL: <https://lex.uz/docs/-5701504>;

12. Law of The Republic of Uzbekistan “On Normative Legal Acts” // URL: <https://lex.uz/docs/5695915>.

ЮРИСТ АХБОРОТНОМАСИ ВЕСТНИК ЮРИСТА LAWYER HERALD

САФАРОВ Темур Уктамович

Главный консультант Отдела по борьбе против коррупции в системе Министерства юстиции Республики Узбекистан

E-mail: t.safarov@adliya.uz

АНАЛИЗ ВНЕШНЕГО И ВНУТРЕННЕГО КОНТЕКСТА ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ НАЛИЧИЯ УСЛОВИЙ ДЛЯ КОРРУПЦИИ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СЕКТОРЕ

For citation (иктибос келтириш учун, для цитирования): САФАРОВ Т.У. Анализ внешнего и внутреннего контекста, которые позволяют определить наличия условий для коррупции в государственном секторе // Юрист ахборотномаси – Вестник юриста – Lawyer herald. № 4 (2023) С. 125-132.

 4 (2023) DOI <http://dx.doi.org/10.26739/2181-9416-2023-4-17>

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуются внутренний и внешний контекст государственного сектора. При этом, исследованием доказывається факт того, что коррупционные риски государственного сектора, это риски определенных ведомств, выполняющие функции государственного аппарата. Международные стандарты ОЭСР и ISO, а также рекомендации международных организаций ФАТФ, Interpol и другие, всегда акцентируют свое внимание на внешний и внутренний контексты государственного органа государства, которые подтверждают факт того, что выявления внутренних и внешних коррупционных рисков всегда позволяют определить пути предупреждения коррупции. Анализ контекста государственного сектора позволит рассмотреть самые уязвимые точки для коррупционных действий. Масштаб государственного органа, определяется по количеству учреждений, который он в себя охватывает, то есть для выполнения нескольких процессов одной функции государственному органу требуется несколько учреждений, соответственно и персонал. В частности, путем анализа 14 внешних признаков, которые позволяют определить наличия условий для коррупции в государственном секторе, а также 6 внутренних аспектов, которые выделяют слабые точки государственных органов, которые способствуют совершению различных коррупционных схем (путем использования должностных полномочий).

Ключевые слова: коррупция, монополия, централизация и децентрализация, имплементация, конфликт интересов, социальных капитал.

SAFAROV Temur Uktamovich

Adliya vazirligi tizimida korrupsiyaga qarshi kurashish bo'limi bosh maslahatchisi

E-mail: t.safarov@adliya.uz

**DAVLAT SEKTORDA KORRUPSIYA UCHUN SHARTLAR MAVJUDLIGINI
ANIQLASHTIRISHNING TASHQI VA ICHKI KONTEKSTI TAHLILI**

ANNOTATSIYA

Ushbu maqola davlat sektorining ichki va tashqi kontekstini o'rganadi. Shu bilan birga, tadqiqot davlat sektorining korrupsiya xavfi davlat apparati funktsiyalarini bajaradigan ayrim bo'linmalarning xavflari ekanligini isbotlaydi. OECD va ISO xalqaro standartlari, shuningdek, FATF, Interpol va boshqa xalqaro tashkilotlarning tavsiyalari doimo davlat davlat organining tashqi va ichki kontekstiga e'tibor qaratadi, bu esa ichki va tashqi korrupsiya xavfi har doim korrupsiyaning oldini olish yo'llarini aniqlash imkonini beradi. Davlat sektori kontekstini tahlil qilish korrupsion amaliyotlar uchun eng zaif nuqtalarni ko'rib chiqish imkonini beradi. Davlat organining miqyosi u qamrab olgan muassasalar soni bilan belgilanadi, ya'ni bir funktsiyaning bir nechta jarayonlarini bajarish uchun davlat organiga bir nechta institutlar va shunga mos ravishda kadrlar kerak bo'ladi. Xususan, davlat sektorida korrupsiya uchun shart-sharoit mavjudligini aniqlash imkonini beruvchi 14 ta tashqi belgi, shuningdek, turli korrupsiya sxemalarini amalga oshirishga hissa qo'shayotgan davlat organlarining zaif tomonlarini ko'rsatuvchi 6 ta ichki jihatni tahlil qilib, rasmiy vakolatlardan foydalanish).

Kalit so'zlari: korrupsiya, monopoliya, markazlashtirish va markazsizlashtirish, amalga oshirish, manfaatlar to'qnashuvi, ijtimoiy kapital.

SAFAROV Temur

Chief consultant of the Anti-Corruption Department in the system of the
Ministry of Justice Republic of Uzbekistan
E-mail: t.safarov@adliya.uz

**ANALYSIS OF EXTERNAL AND INTERNAL CONTEXT DETERMINING THE PRESENCE OF
CONDITIONS FOR CORRUPTION IN THE PUBLIC SECTOR**

ANNOTATION

This article explores the internal and external context of the public sector. At the same time, the study proves the fact that the corruption risks of the public sector are the risks of certain departments that perform the functions of the state apparatus. The international standards of the OECD and ISO, as well as the recommendations of the international organizations FATF, Interpol and others, always focus on the external and internal context of the state body of the state, which confirm the fact that the identification of internal and external corruption risks always makes it possible to determine ways to prevent corruption. An analysis of the context of the public sector will allow to consider the most vulnerable points for corrupt practices. The scale of a state body is determined by the number of institutions that it covers, that is, to perform several processes of one function, a state body requires several institutions, and, accordingly, personnel. In particular, by analyzing 14 external signs that make it possible to determine the presence of conditions for corruption in the public sector, as well as 6 internal aspects that highlight the weak points of state bodies that contribute to the commission of various corruption schemes (through the use of official powers).

Keywords: corruption, monopoly, centralization and decentralization, implementation, conflict of interest, social capital.

В современном этапе развития административных реформ, все еще актуальней становится вопрос выстроения антикоррупционной политики не только страны, но и отдельного ведомства.

При этом, следует учитывать внешние коррупционные риски, которые возникают в результате появления все новых общественных отношений, ждущих правового регулирования (так например, электронная биржевая торговля, дистанционная работа в сфере услуг, частный образовательный процесс). Однако, правовое регулирования с одной стороны может упорядочить общественные отношения, с другой стороны может

провоцировать условия для коррупционных действий заинтересованными сторонами, которые не согласны с всеобщепризнанными правилами поведения в данном правоотношении.

В связи с этим, всем сферовым ведомствам вне зависимости от подчиненности, должны проводить анализ внешнего и внутреннего контекста ведомства. То есть, специфика проведения данного вида анализа, заключается в ее конечной цели, а именно определения наиболее уязвимых точек ведомства для совершения коррупционных действий.

В данном исследовании рассмотрены и сопоставлены научные исследовательские и практические труды зарубежных ученых, международных организаций, направленные на анализ контекста государства, а также коррупционных рисков, существующих в а priori в сферах государственного управления. Так, сравнительный анализ результатов исследования, дал нам возможность дедуктивным способом выявить внешние и внутренние контексты ведомства в целом.

Такой подход исследования обосновывается нами тем, что согласно всеобщим теоретическим основам государственности, государства олицетворяется ведомствами наделенными государственными функциями или же, иными словами, совокупность ведомств составляет государственный аппарат.

То есть, если выявлены коррупционные риски государства, то данный риск принадлежит определенному ведомству, выполняющий государственную функцию.

Коррупция также имеет характерные особенности в различных странах; поэтому подходы, предусматривающие использование общих мер политики и инструментов (то есть универсальные подходы) в отношении стран, в которых акты по противодействию коррупции и качество управления существенно различаются, вероятно, обречены на неудачу. Необходимо понимать условия, которые побуждают к коррупции или способствуют участникам государственного сектора представляться «коррупцированными».

В частности, международные стандарты ОЭСР и ISO, а также рекомендации международных организаций ФАТФ, Interpol и другие, всегда акцентируют свое внимание на внешние и внутренний контекст государственного органа. На основе данного подхода, научные исследователи [15, С.252-268; 16] подтверждают факт того, что выявление внутренних и внешних коррупционных рисков всегда позволяют определить пути предупреждения коррупции.

В связи с этим, определяются следующие внешние признаки, которые позволяют определить наличие условий для коррупции в государственном секторе, в частности в органах государственного управления:

1) размер страны (*исследования показывают, что географически большие страны с низкой плотностью населения могут быть более подвержены коррупции из-за возросших трудностей с мониторингом государственных служащих в удаленных друг от друга местах* [12, С.433-447];

2) возраст страны (*новые независимые страны или страны, недавно перешедшие от авторитарных режимов к демократии, могут столкнуться с еще большей коррупцией, например, из-за неразвитости систем управления или возможностей извлечения ренты, созданных приватизацией государственных активов* [12]). В контексте коррупции погоня за рентой означает увеличение своей доли богатства за счет существующих природных, золото запасных, земельных и иных ресурсов без создания его новых источников (доходов);

3) монополия государственного сектора на разделение или распределение прав на природные ресурсы позволяет использовать экономические возможности в коррупционных целях). Как отмечается Институтом управления природными ресурсами (США) плохое управление и системная коррупция распространены во многих странах, богатых природными ресурсами. Учитывая их высококонцентрированный и высокоприбыльный характер, нефтегазовая и горнодобывающая отрасли могут создавать такие политические и частные стимулы, которые способствуют поиску ренты и институциональному (или государственному) захвату [23];

4) политическая нестабильность (*политическая стабильность связана с низким*

уровнем коррупции, тогда как вероятность коррупции выше в политически нестабильной среде [14]);

5) заработная плата (считается, что низкая заработная плата и связанная с этим бедность в государственном секторе также способствуют коррупции в некоторых странах [21]);

6) отсутствие верховенства закона (беззаконие или плохое верховенство закона – важный фактор коррупции на правительственном уровне). Вероятность возникновения коррупции может возрасти, если правовая система не в состоянии предусмотреть санкции для должностных лиц, причастных к коррупции [13, С.222-279; 22, С.399-457]. Кроме того, коррупционные риски выше в странах с менее надежными правами собственности, поскольку коррупционные средства используются для обеспечения безопасности этих прав там, где правовая система не может этого сделать [7, С.18];

7) отсутствие компетентности и потенциала из-за недостаточной подготовки также способствует провалу управления. Как утверждает исследователь Ш. Шах, коррупция в государственном секторе является следствием неэффективного управления. Плохое управление может возникать из-за низкого качества управления государственным сектором, отсутствия подотчетности, плохих отношений между правительством и гражданами, слабая правовая база, отсутствия прозрачности в отношении процессов в государственном секторе и плохого распространения информации [6, С.25];

8) размер правительства (в зависимости от централизованности или децентрализованности). По данному поводу в исследованиях ученых представлены неоднозначные результаты о взаимосвязи между коррупцией и размером правительства. Согласно исследованиям Г.Нельсона, Роуз-Акермана и Ж. Палифка [20, С.10], чем крупнее правительство, тем больше возможностей у чиновников для получения выгоды. Однако, по данному поводу Г. Лезаер, Г.Финней, Ж.Герринг и Т. Стром [9, С.942; 11, С.233-254] напротив обнаружили, что размер правительства не коррелирует с более высоким уровнем коррупции. А по нашему мнению, размер Правительства всегда взаимосвязано с неэффективными расходами не только финансовых средств, но и труда (а именно, дублирования функции, противоречие решений и др.);

9) природа бюрократии (манипулирование экономическими возможностями развития и создание преград для нормального функционирования частного сектора). Согласно мнению В.Танзи, Р.Гозля, М.Нельсона, государственная бюрократия и государственное вмешательство в экономику способствуют коррупции [21; 12]. Вместе с тем, В.Танзи также утверждает, что «наличие нормативных предписаний и разрешений дает своего рода монопольную власть должностным лицам, которые должны разрешать или проверять деятельность». Он также указывает на качество бюрократии как на важный причинный фактор коррупции.

А по нашему мнению, дискреционные полномочия такого характера, должны выявляться и корректироваться путем антикоррупционной экспертизы нормативных предписаний;

10) государственные расходы на местном уровне (высокий уровень расходов из государственного бюджета, является сигналом вероятности высокого риска коррупции). Как отмечается исследователями Ж. Коррадо и О.Фиаммета, которые использовали региональный набор данных о коррупционных преступлениях, совершаемых государственными служащими, в сочетании с демографическими и социально-экономическими переменными, они обнаружили, что масштабы государственных расходов на местном уровне объясняют коррупцию, но также имеют значение социально-экономические и культурные условия [4, С.1130]. Их результаты показали, что «регионы, которые исторически придавали меньшее значение искоренению коррупции, могут застрять в порочном круге более высоких уровней коррупции» и что «люди, проживающие в регионах с более высокой и устойчивой коррупцией, с меньшей вероятностью будут удовлетворены государственными услугами»;

11) социальный капитал (*социальный капитал относится к «связям, общим ценностям и пониманию в обществе, которые позволяют отдельным лицам и группам доверять друг другу и таким образом работать вместе [17, С.102]*). Согласно исследованиям К. Германа и Ф.Россетти [4, С.1132], регионы с более высоким социальным капиталом с большей вероятностью столкнутся с более низким уровнем коррупции. Их результаты подтверждают исследования исследователей М.Палдама, Ж. Свендсена [18, С.21-34], К. Бьёрнскава и М. Палдама [3], которые сообщают, что более высокий уровень социального капитала связан с меньшим уровнем коррупции, хотя неясно, ведет ли социальный капитал к снижению коррупции или же низкий уровень коррупции приводит к увеличению социального капитала;

12) крупные уникальные проекты (*в деятельности государственного органа, когда осуществляются сделка на особо крупную сумму, которое может осуществляться один в раз год или за годы существования государственного органа, создает риск появления искусственных погрешностей, создаваемых государственными служащими*). Согласно мнениям исследователей, когда государственные субъекты играют ключевую роль в «крупных уникальных проектах» – т.е. финансируемых государством проектах, которые происходят один раз и не имеют предшественников – эти проекты с большей вероятностью будут затронуты коррупцией, чем более мелкие и более обычные [15, С.252-268];

13) конфликт интересов (*конфликт между публичным долгом и частными интересами публичных должностных лиц, при котором публичные должностные лица обладают частными интересами, которые могут ненадлежащим образом влиять на выполнение своих служебных обязанностей и ответственности [16]*). Примером конфликта интересов является ситуация с «вращающейся дверью», в которой государственные должностные лица получают прибыльные должности в частном секторе после того, как они уходят с государственной службы, в ожидании, что они будут использовать свои контакты в государственном секторе в интересах частной компании [8, С.54];

14) отсутствие внутриведомственного антикоррупционного контроля (*не проведение внутриведомственных комплаенс проверок на предмет выявления «коррупционных схем»*). Имплементация в национальное законодательство государств положений Конвенции ОЭСР по вопросу ответственности юридических лиц повлекла за собой возникновение и развитие антикоррупционного комплаенса или процедур внутреннего контроля в компаниях в целях предотвращения коррупционных правонарушений и преступлений. В законодательстве ряда государств появились нормы, предусматривающие возможность защиты компании от ответственности в случае наличия адекватных антикоррупционных политик и процедур.

Как можно заметить из вышперечисленного, коррупция изучается либо на индивидуальном уровне, либо как группа, действующая согласованно. Согласно утверждению ученых исследователей Ж. Пинто, С.Р. Лина, и Ф.К. Пила [19, С.685–709], изучение взаимосвязи между этими уровнями полезна, потому что люди, участвующие в коррупционном поведении лично не вступая в сговор, также представляют собой явление коррупции на уровне организации.

В связи с чем, можем определить, что вышеуказанные условия лишь отражают внешний коррупционный контекст и в полной мере не раскрывает внутренний коррупционный контекст. Так, одним из основных аспектов, по которым ученые [10, С.255–299] стремились различать различные формы коррупции, является то, действует ли нарушитель исключительно в личных интересах или же бенефициара, включая в себя саму организацию.

Исходя из данной точки зрения, также следует рассмотреть, как отдельный элемент, внутренний коррупционный контекст государственного сектора, а именно государственные органы на основе анализа следующих аспектов:

1) организационно-правовая форма, структура и количество сотрудников государственного органа, а также уполномоченное лицо по принятию решений. В зависимости

от организационно-правовой формы организации, определяются существенные условия для совершения коррупционных действий. При этом учитываются структура и количество сотрудников государственного органа, а именно возможных участников коррупционных схем.

Согласно выводам П.Ю. Кулишева, коррупция должностных лиц, это особая категория, то есть, во-первых, понятие должностного лица неразрывно связано с существованием и функционированием государственного механизма, осуществляющего посредством системы органов и организаций (учреждений) функции государства. Во-вторых, обладание должностными лицами властными полномочиями предполагает их особое положение в процессе управления общественными делами [2, С.123].

Вместе с тем, между теми, кто берет взятки, может быть разная степень координации: от неконтролируемого вымогательства со стороны нескольких должностных лиц до высокоорганизованных систем сбора и распределения взяток.

2) уровень функционирования и сфера действий государственного органа в государственном секторе. В зависимости от роли выполнения задач и функций, определяется место государственного органа в аппарате государственного управления. В частности, в таких направлениях с высоким уровнем коррупционного риска, где существуют возможность получения личной выгоды.

По мнению В.В. Белова поведение лица (физического или юридического, а также общественного деятеля, организации), наделенного государством властным ресурсом, направленное на получение им личной выгоды или выгоды в пользу третьих лиц путем использования этого ресурса вопреки действующему законодательству, является признаком коррупции [1, С.17].

3) правовой статус, масштаб и уровень сложности деятельности государственного органа и ее работ.

Правовой статус государственного органа, определяет его роль в системе государственного сектора, а также потенциальные риски коррупции. Так если, государственный орган согласно своему правовому статусу, выполняет контрольные или надзорные функции (Госинспекции), то тогда они являются наиболее подверженным коррупции, чем государственные органы, которые осуществляют учтённую или созидательную функцию.

Масштаб государственного органа, определяется по количеству учреждений, который он в себя охватывает, то есть для выполнения нескольких процессов одной функции государственному органу требуется несколько учреждений, соответственно и персонал.

Так, например, обеспечение общим средним образованием населения. Для выполнения данной функции Министерству народного образования, требуется открытие общеобразовательных школ по контингенту населения определенного региона. В данном случае, речь идет о трудно контролируемых деятельности учреждений государственного органа, которые подвержены коррупции.

В свою очередь, уровень сложности деятельности и работ государственного органа, имеет значение в определении подверженности к коррупции, который характеризуется в выполнении одной функции путем осуществления различного рода процессов (сбор, проверка, анализ, проверка, отчет, подтверждения).

Так, например, Агентство стандартизации, метрологии и сертификации, одним из основных задач, которого является осуществление мер по обеспечению прав потребителей по соблюдению требований к безопасности и качеству продукции, работ, услуг и защите от отрицательных последствий недостоверных результатов измерений;

4) форма деятельности государственного органа. В государственном органе в зависимости от формы ведения делопроизводства он может быть подвержен коррупционным рискам. Так, например, если в государственном органе всё делопроизводство ведется, только в бумажном виде или же отсутствует обязательство ее ведение.

5) государственные органы, осуществляющие вертикальный и горизонтальный контроль над государственным органом. В частности, территориальным подразделением

государственного органа вертикальный контроль ведется в виде внутреннего контроля со стороны вышестоящего органа, а горизонтальный контроль может осуществляется другими государственными органами (налоговый, санитарно-эпидемиологический, пожарный и др.). В данном случае, коррупционным фактором является укрытие выявленных нарушений, которые отрицательно влияют на эффективность деятельности государственного органа, в результате приводит к другим отрицательным последствиям.

б) неурегулированность антикоррупционных мер с поставщиками товаров (услуг и работ) государственного органа, могут повлиять не только на эффективность деятельности государственного органа, но и привести вред другим лицам, которые вступают общественные отношения с данным государственным органом в рамках его функций.

Таким образом, можно определить, что под понятием коррупции понимается социальное явление, проявляющееся в результате социальной, экономической и политической уязвимости регулирования общественных отношений, сопряженной отсутствием механизмов внутреннего самоконтроля, гласности и прозрачности административного управления.

Данное обстоятельство, ведомственном уровне выделяются в двух аспектах: взаимоотношения между принципалом и служащим, а также проблемы, связанные с организацией.

Иқтибослар/Сноски/References:

1. Белов В.В. Распространение коррупции в системе органов государственной власти России: этапы и проблемы борьбы в 1992-2000 гг. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Москва, 2008. - С. 17.
2. Кулишев П.Ю. Организация противодействия коррупции в органах государственной власти: зарубежный опыт. Автореф. дис. . канд. юрид. наук. Москва, 2006. – С. 123.
3. Bjornskov Christian, and Martin Paldam (2004). Corruption Trends. The New Institutional Economics of Corruption. London: Routledge. 2004, p. 59-75.
4. Corrado Germana, and Fiammetta Rossetti (2018). Public Corruption: A Study across Regions in Italy. Journal of Policy Modeling, vol. 40, issue 6, pp. 1130.
5. Corrado Germana and Fiammetta Rossetti (2018). Public Corruption: A Study across Regions in Italy. Journal of Policy Modeling, vol. 40, issue 6, pp. 1132.
6. De Simone, Francesco, and Shruti Shah (2012). Civil society procurement monitoring: challenges and opportunities. In: Eduardo Bohorquez and Deniz Devrim, eds. A New Role for Citizens in Public Procurement, New Mexico: Transparencia Mexicana.p.25.
7. Dong, Bin, and Benno Torgler (2011). Democracy, Property Rights, Income Equality, and Corruption. FEEM Working Paper No. 8.2011. p. 18.
8. Ferguson, Gerry (2017). Global Corruption: Law, Theory and Practice. Third Edition, University of Victoria.p.54;
9. Ferguson, Gerry (2018). Corruption and Public Procurement. In: G. Ferguson. Global Corruption: Law, Theory and Practice. Chapter Eleven, pp. 942;
10. Finney H. C., & Lesieur H. R. 1982. A contingency of theory of organizational crime. Research in the Sociology of Organizations, 1: 255–299.
11. Gerring John, and Strom C. Thacker (2005). Do Neoliberal Policies Deter Political Corruption? International Organization, vol. 59, issue 1, pp.233-254.
12. Goel Rajeev K., and Michael A. Nelson (2010). Causes of Corruption: History, Geography and Government. Journal of Policy Modeling, vol. 32, issue 4, pp. 433-447
13. La Porta, Rafael, and others (1999). The quality of government. Journal of Law, Economics, and Organization, vol. 15, no. 1, pp. 222-279.;
14. Lederman, Daniel, Norman Loayza, and Rodrigo Reis Soares (2005). Accountability and Corruption: Political Institutions Matter. Policy Research Working Papers. Washington, DC: World Bank.

15. Locatelli, Giorgio, and others (2017). Corruption in public projects and megaprojects: There is an elephant in the room! *International Journal of Project Management*, vol. 45, issue 03, pp. 252-268.

16. Organisation for Economic Co-operation and Development (OECD) (2003). *Managing Conflict of Interest in the Public Service: OECD Guidelines and Country Experiences*. Paris. (<http://www.oecd.org/governance/ethics/conflict-of-interest>)

17. Organization for Economic Co-operation and Development (OECD) (2007a). *Bribery in Public Procurement: Methods, Actors and Counter Measures*. Paris, p. 102.

18. Paldam, Martin, and Gert Tinggaard Svendsen (2002). Missing social capital and the transition in Eastern Europe, *Journal of Institutional Innovation, Development and Transition*, vol. 5, pp. 21-34.

19. Pinto, J., Leana, C.R., & Pil, F.K. (2008): "Corrupt Organizations or Organizations of Corrupt Individuals? Two Types of Organization-Level Corruption." *Academy of Management Review*, 33 (3), 685-709.

20. Rose-Ackerman, Susan, and Bonnie J. Palifka (2016). *Corruption and Government: Causes, Consequences and Reform*. Cambridge University Press. P.10.

21. Tanzi, Vito (1998). *Corruption and the budget: Problems and solutions*. In: Arvind K. Jain, ed. *Economics of Corruption*, London: Kluwer Academic Publishers.

22. Treisman, Daniel (2000). The causes of corruption: a cross national study. *Journal of Public Economics*, vol. 76, issue 3 (June), pp. 399-457.

URL: https://resourcegovernance.org/topics/corruption?type%5Bevent%5D=event&sort_by=title&sort_order=ASC&page=8.